

Андрей вышел на школьное футбольное поле. Несколько ребят, оставив сумки на лавке, шумно гоняли ободранный мяч. В толпе футболистов мальчик заметил двух одноклассников. Крепыш Вовка Заяц стоял на воротах, а рыжий Бабаев, расталкивая соперников, неумело вел мяч.

«Лучше бы через гаражи прошмыгнул», – подумал Андрей, но отступать было поздно.

– Пацаны, – донеслись голоса, – секите, новенький идет! Пошли, приколемся!

Андрей ускорил шаг. На ходу снял очки и торопливо убрал в футляр. – Стоять! – Вовка Заяц мощной подсечкой сбил Андрея с ног. Школьник грохнулся на землю. Хотел подняться, но Бабаев тут же сел ему на спину, заломил руки, и стал выкручивать пальцы.

– Делай ласточку, гамадрил убогий, – шипел рыжий.

– Га-ад, – застонал Андрей, – пусти, урод, больно!

– Ладно, хватит с него, – спустя время скомандовал Заяц, – а то вон посинел уже весь, пошли мяч попинаем.

– Твое счастье, – Бабаев слез с Андрея и отряхнул колени.

Ухмыляясь и весело переговариваясь, ребята зашагали в сторону поля. Андрей нашел обломок кирпича и метнул в обидчиков. Кирпич попал в ногу Бабаеву. Он взвизгнул, повалился на бок и протяжно завыл. Подростки окружили друга и принялись с важным видом осматривать ушибленную голень. На каждое прикосновение Бабаев отзывался истошным воплем.

– Да не, не перелом, – поставил диагноз один из них, – так бы пальцами не мог шевелить.

Андрей схватил рюкзак и припустил к школе. Вдогонку ему летели страшные угрозы и ругательства. Кто-то бросился за ним, но быстро отстал. Школьник мчался во всю прыть.

На уроке литературы на парту Андрея приземлился аккуратно сложенный клочок бумаги. «Падла после школы вешайся», – прочел он и скосил взгляд на Бабаева. Тот показал кулак и накрыл его ладонью.

До конца учебного дня Андрей думал о предстоящей расправе. Картины рисовались самые ужасающие. Сотрясение, сломанные руки, скорая, реанимация. Однако больше всего он боялся публичного унижения. Боялся, что поставят на колени и заставят просить прощения, обреют под ноль и зальют лысину зеленкой, разденут догола и закроют в женской раздевалке, или окунут головой в унитаз, снимая все это на телефон. И опасения его были не напрасны, подобное в их школе уже случилось.

После уроков Заяц и компания курили на крыльце. Они небрежно затягивались и громко харкали себе под ноги.

– Э, слышь, постой! – окликнул Андрея Заяц. – Базар есть. Пошли, отойдем.

Они вышли на задний двор. Там уже собралось человек десять. Одноклассники, ребята из параллельных классов и несколько совсем незнакомых юнцов. В ожидании кровавой бойни один из них даже нетерпеливо приплясывал.

Андрей приготовился к худшему. Его зловеще окружили. Первым выступил Заяц.

– Ты че, очкозавр, беспредел творишь, а? С тобой прикалываются, а ты в своих же пацанов камнями кидаешь. Тя че, обоссать, шоль, прилюдно?!

– Не надо, – попятился Андрей.

Заяц ударил в челюсть. В голове зазвенело, из губы тонкой струйкой брызнула кровь, пачкая рукав толстовки. Андрей отшатнулся к кирпичной стене. Прихрамывая, подошел Бабаев и ткнул кулаком в живот. Андрей сложился пополам и рухнул на асфальт. Дыхание сбилось. Он закашлял, сплевывая багровой слюной.

– Отхватил, дрищ? – сказал Вовка Заяц, отвесив Андрею подзатыльник. – Это я тебя только погладил слегонца.

Отдышавшись, мальчик вскочил, принял боксерскую стойку и выкрикнул:

– Козлы вы все, поняли?! Козлы все до одного!

Но после в бессилии свесил руки и расплакался.

На секунду ребята смолкли, затем раздалось оглушительное ржание. Парень в растянутом балахоне присел на корточки и, заливаясь смехом, схватился за живот.

– Рэмбо, одинокий рейнджер, блин, – задыхался он, – парни, нам же хана, давайте сваливать!

– За козла ответишь, лошарик! – прогнусавили из толпы.

– Все, все, брэк, – примирительно поднял руки Заяц.

Затем он шагнул к Андрею, пыхнул дымом в лицо и похлопал по плечу:

– Ну теперь ты попал, друган. Жизни тебе в нашей школе не будет. Я те отвечаю. А скажешь кому – ваще опустим.

Одноклассник замахнулся, Андрей пугливо дернул головой.

– Пацаны, – послышалось из толпы, – палево, Маргоша идет!

Показались огненно-рыжие кудри Маргариты Павловны, преподавателя физики, которую побаивался даже директор. Задний двор моментально опустел.

Андрей утер слезы. Он взмок, у него тряслись колени, сердце колотилось где-то под подбородком.

Вернувшись домой, школьник, к своему облегчению, не застал родителей. Прошел в ванную, умылся. Встал на цыпочки и глянул в зер-

кало. Нижняя губа раздулась. Андрей слегка прикусил ее, но и это не спасло, все равно было заметно. Он снял толстовку и замыл кровавое пятно. На кухне поковырял вилкой холодную котлету, глотнул воды из графина и направился в комнату. Не раздеваясь, повалился на кровать и через минуту уснул.

Семилетний Андрюша гостит в деревне. Босиком он несется по цветущему саду. В руке сачок на бамбуковой палке. Андрей ловит пеструю бабочку. Прыжок, взмах, неудача. Упрямый, он пробует снова. Осторожно приподнимает фиолетовый капрон, а там пусто.

– Ну и пусть, – Андрей бросает сачок в траву и бежит к дому.

На скамейке под разросшимся кустом сирени он замечает своего дедушку. Желтые табачные усы, густые брови, озорной прищур. На нем зеленая гимнастерка с засученными рукавами и слегка сбитая набок шапочка из газеты. Не вынимая папироски изо рта, он смазывает цепь старенького «Школьника».

Андрей обнимает деда, целует в колючую щеку.

– Поторопись, родненький, тебя уж заждались, – покашливает от едкого дыма старик, вытирая перепачканные солидолом пальцы.

Внук лихо седлает велосипед и несется по узкой, петляющей тропинке.

В конце тропинки видит колодец. Андрей резко тормозит, прыгает с велосипеда. Затем припадает к колодцу и всматривается в темноту. Вет сыростью и холодом.

– Я сильный, я смогу, – решает мальчик.

Минуту поколебавшись, Андрей зажмуривает глаза и сигает вниз.

Полет его бесконечно долог. Мальчик пытается схватиться за каменные, с глубокими выбоинами стены, но сильно обжигает ладони. Он кричит, не слыша своего голоса.

– Ничего не бойся, Андрюш, никогда ничего не бойся, – далеким эхом раздается хрипловатый басок дедушки...

Мальчик чувствует, как что-то сильное и в то же время нежное подхватывает его и вытягивает вверх. Ему становится тепло и спокойно. Дедушка берет его на руки, гладит по голове, шепчет на ухо.

Андрей проснулся. Его знобило. Подбив под себя одеяло, мальчик лежал, устремив взгляд в потолок.

Вскоре вернулись родители. Ворчливый отец отправился с пакетами на кухню, а мама вошла в комнату Андрея. Мальчик отвернулся к стене.

– Просыпайся, сынок, – мать слегка качнула его за плечо, – или ты до вечера валяться намерен?

– Не, мам, сейчас встану, ты иди пока.

За столом собрались родственники. Отец разливал водку, женщины потягивали вино из бокалов. Дядя Костя густо покраснелся, когда уронил на скатерть кусок ветчины.

На телевизоре возвышался портрет дедушки в военной форме.

Мама положила сыну горячего и налила стакан вишневого морса.

– А что это у тебя с губой, Андрюшк? – тетя Таня жадно впилась зубами в куриную ножку. – С девками небось нацеловался?

Тетка закатилась от смеха, хватив по столу пухлым кулачком:

– Ой, не могу, такой напёрсток, а все туда же!

Андрей виновато опустил голову, нанизывая на вилку салат оливье. Отец, дядя Костя и дядя Валера ушли покурить на балкон.

– Только недолго, мальчики, – мать поднялась и помогла отдернуть тюль.

Захлопнулась балконная дверь, и женщины стали о чем-то шептаться, перебивая друг друга. Сплетничают, догадался Андрей.

Покурив, мужчины вернулись за стол. Отец откашлялся и заговорил:

– Для начала хочу выразить благодарность всем присутствующим за то, что собрались в этот знаменательный день почтить память нашего любимого, нашего уважаемого Дмитрия Николаевича Воронцова. Героя Великой Отечественной войны, получившего огромное количество боевых наград, в том числе и медаль за отвагу. Человек, который рисковал жизнью за свою Родину, за каждого из нас с вами. Кроме того, они с Клавдией Федоровной, царствие ей небесное, воспитали и поставили на ноги двух замечательных дочерей – Свету и Татьяну. Обе с высшим образованием, обе выбились в люди! Внуки в нем души не чаяли. С нетерпением ждали лета, чтобы отправиться к нему в деревню. Стоит ли говорить, баловал он их жутко...

Отец тяжело вздохнул.

– И вот сегодня ему исполнилось бы восемьдесят лет. Совсем немного не дотянул Дмитрий Николаевич до своего юбилея, но мы всегда будем его помнить, гордиться им, и всегда будем ему благодарны.

Все поднялись и осушили рюмки.

– Ага, – едва не давилась от икоты тетя Таня, – благодарны за то, что он свой дом фиг знает на кого переписал.

Отец кашлянул в кулак.

– Тань, выпила – веди себя достойно или сходи проветрись, – сказала мать.

– Ты сама проветрись. Что, разве я не права? Не намерена я ему тут дифирамбы петь. Ты лучше вспомни, как мама на сушилах чуть из-за него не повесилась. Что, забыла? Напомнить, может?

– Татьян, Свет, да не ссорьтесь вы, – вмешался дядя Костя.

– А мне сегодня дедушка снился, – воспользовавшись передышкой, проронил мальчик.

– Она, может, и пожила бы еще, так ведь он ее до инфаркта и довел, – не унималась тетя Таня, – а вы, идиоты, тут сидите, оды ему слагаете. Тьфу, смотреть противно.

– Да как ты смеешь на отца, дрянь! – вскочила мать. – Как тебе не стыдно! Он тебя, дуру, вырастил, потом в политех пристроил! Сама бы ты со своим мозгом куриным поступила бы?! Хренушки! А с квартирой вам кто помог?! Так бы и жили в своей общаге с двумя детьми! Девять метров счастья! Вспомнила?! Вот и помалкивай сиди!

– Мне сегодня дедушка снился, – повторил Андрей.

– Рот свой закрыла! – крикнула тетя Таня. – Я в отличие от тебя по залету замуж не выскакивала! Или, может, ты вообще его нагуляла, пока муж по командировкам мотался!

– Пошла вон отсюда! – вскричал отец, плеснув ей в лицо морсом. Тетка зафыркала, как лошадь.

– Ну, это уже чересчур, старик, – дядя Костя вцепился в лацкан его пиджака и рванул на себя. Глава семейства повалился на стол, стащив праздничную скатерть и опрокинув тарелки с едой.

– Мне сегодня дедушка снился, – уже шепотом повторил мальчик.

Мать заголосила во все горло.

– Не здесь, не здесь! – орал отец. – Не в квартире, посуду побьем! Выйдем в подъезд!

– Урод! – утирала лицо салфеткой тетка. – Прямо в глаз попал! А если бы я ослепла?!

– Поделом тебе, шваль! – поправил пиджак отец, ослабляя заляпанный майонезом галстук.

– Это я-то шваль? Ты лучше на благоверную свою посмотри! Тоже мне, тихая мышь. Да чтоб ты знал, она, когда с Зиминым встречалась, изменила ему с его же другом! Под Новый год дело было. А потом вместе с ним, с Зиминым, в гости к нему еще ходила, на диване его сидела с бесстыжими глазами, а на том диване он, наверное, ее, то самое, шпехал. А потом еще просила у Зимина сапоги ей купить! Вот она какая! Он любил ее больше жизни, а к ней то и дело пацаны из соседних деревень приезжали по ночам. И увозили ее. Куда? Явно не в шахматы играть. К приличным девушкам, между прочим, кавалеры по ночам не ездят!

– Не слушай ее, Вов, – разрыдалась мать, – врет она все, паску-у-уда!

– Мне сегодня дедушка снился, – беззвучно шевелил губами мальчик, выводя чайной ложкой невидимые узоры на столе.

Мать вцепилась в волосы сестры и с грохотом повалила ее на пол. Все бросились их разнимать. Дядя Костя обхватил свояченицу за талию и с легкостью приподнял.

– Всю жизнь мне испортила, тварь! – сучила ногами мать. – Вон из моего дома!

– Что, правда глаза колет?! – бушевала тетка. – Харя твоя наглая! Люди добрые, полюбуйте на эту Деву Марию!

На крики стали тарабанить в дверь соседи. С площадки доносились недовольные возгласы.

Андрей ушел в свою комнату. Лег в кровать, накрыл голову подушкой. Мысль о школе наступала грозовой тучей.

На следующий день Бабаев с Зайцевым заскочили в класс, в котором дежурил Андрей, и окатили его из полового ведра. Сердобольная уборщица, заметив трясущегося от холода, насквозь промокшего мальчика, увела его к себе в подсобку.

– Кто же это так над тобой, а? – бормотала она, подливая в кружку горячего чая. – Изверги, а не дети! Директору надо пожаловаться. Я вот им, – погрозила она кулаком.

Уборщица выдала Андрею спортивный костюм с оттянутыми коленками и дырами на локтях.

– На вот, держи. Штанцы малость подвернешь, и будет хорошо. А я твою одежду стираю и завтра отдам. Договорились?

Андрей кивнул и, спрятавшись за бойлером, переоделся.

Как-то раз Бабаев схватил Андрея за ухо и с хрустом провернул. Ухо посинело и стало огромным, точно лопух. После этого к школьнику приклеилось прозвище Ушама бен Ладен.

Потянулась чередой издевательств. Били головой о стену, плевали в лицо, стягивали штаны при всем классе, рвали в клочья тетрадки, рисовали маркером на лице.

Андрей замкнулся. На расспросы матери либо отмалчивался либо грубил.

– Сходил бы в школу, что ли, – просила она отца.

– У меня же годовой отчет горит, Свет. Вот сама бы и сходила.

– Да я их классную на дух не переносу. Грымза старая... Ладно, заскочу на днях.

Выходные Андрей проводил дома за компьютером.

– Андрюх, – приставал отец, – а чего это ты, как бирюк, в четырех стенах сидишь? Шел бы на улицу, прогулялся. Эх, погода-то какая, ты смотри! Меня вот в твои годы домой палкой было не загнать!

Мальчик выходил из квартиры, садился в трамвай и до вечера колесил по городу, разглядывая улицы, рекламные щиты, прохожих, спешащих неизвестно куда...

Однажды Андрей закрылся в ванной, взял отцовскую бритву и сбрил себе брови. Лицо стало чуть припухлым, младенческим.

Распорошив мамину косметичку, намалевал под глазами синяки. Учительница отправила школьника смыть «этот боевой раскрас».

– Слышь, Ушама, а хочешь, настоящие фишаки поставим? – хохотал с задней парты Заяц. – Это мы в легкую.

Андрей нацарапал на руке слово hate – ненависть. Не расставался с дедушкиной медалью «За отвагу». Маленький, обшитый бархатом футляр слегка оттопыривал карман его брюк. «Это мой оберег», – твердил под нос мальчик.

Классный руководитель пожалла плечами и посоветовала матери отвести сына к психологу.

Высокий бородатый мужик с тяжелым запахом изо рта задал несколько бессмысленных вопросов, заставил пройти какой-то тест и с миром отпустил, дав рекомендацию есть больше фруктов и не брезговать гимнастикой.

Такое скопление детей у школы можно было наблюдать только при учебной пожарной тревоге. Откуда-то из глубины вырывались истеричные вопли завуча:

– Отойдите! Все в сторону! В сторону!

Завывая сиренами, остановилась «ГАЗель» скорой помощи. Вслед за ней скрипнул тормозами полицейский «уазик». Из скорой выбежали двое в белых халатах. Продираясь сквозь толпу, один из них на ходу раскрыл чемоданчик с красным крестом на крышке. Девочки прятали лица в ладошках. Пацаны едва ли не карабкались друг другу по спинам, чтобы лучше разглядеть происходящее. Старшеклассники хмуро курили в стороне – строили из себя взрослых.

– Господи боже мой, – едва не плача, выдохнула завхоз.

– С такой-то высоты, шутки ли, – покачал головой физрук.

Доктор поднялся с колен и беспомощно развел руками. Тело мальчика уложили на носилки. Из перепачканного кровью кулачка выскользнула медаль и со звоном покатилась по асфальту.